

КОЛ КОНТРАКУЛЬТУРА

№6

весна 2012

КАК ПРАВИЛО, ОНА НАСТУПАЕТ ВСЕ РАВНО!

Здравствуйтесь, товарищи!

Увы, ни для кого не секрет, что наша страна растворяется во мраке времен. Ведь у нас нет ни концлагерей, ни рабства, ни короля – в общем, ни одного признака цивилизованного общества. В этих условиях, конечно же, очень легко деградировать. Но мы надеемся, что вы, друзья, все еще умеете читать (или хотя бы смотреть картинки). Поэтому и продолжаем выпускать эту газету.

Вашему вниманию предлагаются следующие разделы:

- *Добroeбучая журналистика* (с. 1-5). Здесь Режут правду матку про опиум и про Антихриста, про отсутствие понимания и про прыжки в высоту, а также про то, как жить и работать.
- *Злобeбучая литература* (с. 6-7, 9). Чудодейственные креативы (от хард-стора до страшных сказок) от наших постоянных и не очень авторов.
- триумфальное возвращение на наши страницы *социальной газеты «Ослы и люди»* (с. 8).
- *Уголок поэзии* (с. 10). От классиков до современности.

Не забывайте распространять наше неимоверно великолепное издание по своим тусовкам. Пишите нам!

Контактный e-mail: kol-contrculture@mail.ru

Группа Вконтакте: <http://vk.com/gazetakol>

РедКОЛлегия

ОПИУМ ДЛЯ НАРОДА

Недавно разгорелся скандал по поводу якобы расистских высказываний одного из членов партии Свобода в адрес певицы Гайтаны, которая, вероятно, будет представлять Украину на Евровидении. Кто здесь прав, кто нет, мы разбираться не будем, а рассмотрим вопрос с совершенно иной стороны. Какая мне, простому жителю Украины, разница, кто туда поедет. Мне вообще как-то совершенно всё равно, будет ли это вообще хотя бы человек.

Это стандартный для существующей системы метод промывки мозгов: отвлечь общество от серьезных проблем, переключив его на проблемы малозначимые либо и вовсе вымышленные. И люди начинают бояться призрачных угроз птичьего гриппа и мирового терроризма, забывая о реальных своих проблемах. К примеру, сейчас очень модно бороться против табакокурения, повсеместно всем вдальбливают в мозги как это вредно и не модно, приводят статистику смертей в результате курения. Мне она особо пугающей не кажется. В результате ДТП гибнет на порядки больше, так давайте запретим автомобили! Кроме того, если посмотреть статистику смертей в результате выпадания/выбрасывания из окна, можно тоже ужаснуться. Давайте перестанем строить дома?

Наш мир полон опасностей, и неплохо бы отделять реальные от вымышленных. Но благодаря одурманиванию СМИ люди умеют делать это всё хуже. Такая методика пропаганды уже давно эффективно применялась на Западе, а вследствие либерализации и демократизации пришла и к нам.

Ни для кого не секрет, что после распада Советского Союза наша страна без раздумий приняла западную либерально-демократическую идеологию. Естественно, как и все остальное не своё, перенята эта сама по себе далеко не совершенная идеология была в искаженном пародийном виде. И Украинское государство теперь подобно барану смотрит на плотно закрытые ворота в Европу. И закрыты они будут всегда, повод не открывать их найти не сложно. Нас, конечно же, обвинят в высоком уровне коррупции. А когда коррумпированных политиков начнут сажать – в политическом преследовании оппозиции и в отступлении от демократических норм.

Так не пора ли прекратить употреблять не прущую западную наркоту и начать выращивать что-то своё?

Джим Слэйд

ОТСУТСТВИЕ ПОНИМАНИЯ

*«I am who I am, take it or leave it,
A rebel at heart,
No gods, no masters,
My time has come!»*
Arch Enemy «No gods, no masters»

В последнее время стало как-то модно быть против. Каждый стремится в той или иной форме выразить свой протест. В социальных сетях процветают группы противников ГМО, негров, расизма, современного футбола, жестокости по отношению к животным, Миши и Геши, капитализма и тд. Тысячи их. Интернеты заполняют гигабайты сообщений сотрясателей виртуального покоя. Особо упоротые распечатывают транспаранты и выписываются на улицы, крича угарные лозунги.

Даешь новую войну! Даешь революцию! Даешь свободу!

Тонны информации в виртуальном мире создает монстров в неокрепшем разуме. Мировое правительство и ЗОГ дергает за ниточки. Изображение в телевизоре содержит зомбирующий 25 кадр. Проехавший на джипе бизнесмен свое состояние украл, причем лично у тебя (хотя, если подумать, ему этих денег даже на поход в «Буфет» могло бы не хватить). Политики у власти сфальсифицировали результаты. Понаехавшие отнимают рабочие места. ГМО превратит человека в растение через 3 поколения.

И ты бунтуешь. Ты страстно выражаешь свою точку зрения. Иногда даже собираешься попить пива с такими же бунтарями. А иногда даже устраиваешь акции протеста. Но потом вы расходитесь. Потому что уже поздно, например. Посудачили, перетерли о том, что «вот если бы не (нужное подставить), было бы все как бы заипца». Главное, что вы нашли тех, кто виновен в ваших собственных проблемах. И на душе стало легче.

А давайте на секунду посмотрим на проблему с другой стороны? А что, если ничего вышеописанного не существует?

Например. Нет никакого мирового правительства, а в телевизоре и газетах только те новости, которые вы хотите видеть. Бизнесмен, чтобы заработать на машину, 10 лет не ел и не спал, а развивал свое дело, которое принесло ему дивиденды. За мудаковатых политиков проголосовали вы сами, они – плоть от плоти народа. Понаехавшие не отобрали места, а несколько пацанов с района, работая на негров на Барабане, получили хоть какую-то работу и вконец не сторчались. А ГМО дико безвредно, например, и позволит уменьшить в разы стоимость на еду.

Становится страшно? Страшно оттого, что в своих проблемах виноваты вы сами?

Конечно, быть против легче, чем быть за. Разрушать легче, чем строить. А что, если ваши лозунги воплотятся в жизнь? Не будет ли хуже?.. Тот еще риторический вопрос...

Почему бы не попробовать быть «за»? Созидать, творить, строить своими руками лучшую жизнь, принимая правила этого мира. Например. Если ты хочешь победить в футбольном матче, ты должен забить мяч в ворота ногой или головой (допускается жёпой или балэбой, но речь не о

том). Если ты занесешь мяч в ворота руками, гол не засчитают, а тебя удалят. Есть правила. И дебатами их не изменить. Почему бы не учиться играть хорошо по правилам?

Почему бы начать искать не различия между людьми, а сходства? Помните, когда мы были маленькими, нам часто давали задания по типу «Найди 10 отличий». Я вот думаю, почему бы не давать абсолютно разные картинки и задание к ним «Найди 10 сходств».

Хорошо, что в ненавистном вам современном мире все же большинство людей действуют сообща. Добавить бы миру понимания. Только начинать нужно не в глобальном плане, а с самого себя. Попробуйте...

Вместо P.S.

Человечество заполняет космическое пространство радиосигналами. Лучшие картины, фильмы, музыкальные произведения летят сквозь вакуум в виде радиосигналов. Но уже через несколько световых лет радиосигналы превращаются в радиошум. Сигнал есть, а различить ничего нельзя.

На далекой-далекой планете живет себе разумная цивилизация. Сидят в космической лаборатории ее представители и изучают космос на предмет наличия разумной жизни. В один день они ловят радиосигнал и составляют отчет.

«На окраине галактики обнаружена планета, издающее большое количество радиоволн. Расшифровать их, а также обнаружить связи между ними либо закономерности не удалось. Сигнал хаотичен. Разумной жизни нет»

Грустно.

Запрещенный Барабанщик

ЦЕРКОВЬ АНТИХРИСТА

Вот уже почти две тысячи лет немалая часть человечества ожидает прихода эпохи Царства Антихриста и последующего за ним Конца Света. Они самозабвенно роятся в безумных пророчествах, кои при большом желании всегда можно приспособить под объективную реальность. А ведь ожидать-то, дамы и господа, похоже, нечего. Мы всего уже дождались. Антихрист должен был прийти вскоре после казни Иисуса Христа, и он пришёл. И его не узнали, как и говорил об этом Иисус.

Был такой человек, Саул, нещадно и фанатично выкашивающий христиан. Убил он их с особой жестокостью огромное количество. И вдруг снизошло на Саула внезапно якобы богооткровение (вопрос еще, если и снизошло, то от какого именно бога?). После этого Саул срочно переименовался в Павла, и стал он вроде как пропагандировать доселе столь ненавистные ему христианские идеи. Мозги у человека набекрень съехали? Или тут была какая другая задумка?

Скорее – второе. Вскоре была основана церковь, схватившая западное, а затем и не только, человечество за ворот и потянувшее его во мрак средневековья. Инквизиция, религиозные войны, отречение от науки и искусства...

Посмотрим, на что опирается эта так называемая “христианская” церковь. На Тору, отвергнутую Иисусом, и на проповеди вышеупомянутого Павла. Официально еще есть, конечно, порядочно отредактированные Евангелия, но это так, в сторонке, их стараются особо не упоминать.

Что представляет собой прихожанин? Трусливый ханжа, зачастую жадный до материальных благ. Полное противоречие учению Христа. Да, и еще он очень боится некоего бога, коего по имени старается не называть. Может, вспомним, что говорил людям Иисус? “Бог есть любовь”. А еще: “Вы – боги”.

Джим Слэйд

ПРЫЖКИ В ВЫСОТУ

Настал день такой, день преимущественно Российский – подсвеченный новыми идеями, модернизированными словами, новым взглядом на конференции, а частности – на методы приезда на конференции и питания на них. Был год космонавтики. Было объявлено, что космос отныне – демократичен, а потому пусть туда китайцы и летают, а мы объявим своей национальной идеей борьбу с педофилами.

И вот – самым популярным занятием стали прыжки в высоту.

Саша Кореевич, мэтр прыжков в высоту, председатель конвента «Прыгай, Россия!», в частности, говорит:

- Мы долго рассуждали о сути социальных прыжков. Это касается диапазона прыжков без шеста на высоту 15 сантиметров. Конечно, до мэтров, которые прыгают на большие высоты, упав с которых, можно разбиться. Это когда планку ставят на 22 сантиметра, хотя, конечно же, великий Аркадий Мамонтович с его 32 сантиметрами недосягаем для живых.

Вопрос:

- Говорят, конвент принесет что-то новое?

Саша Кореевич:

- Да, мы движемся вперед со всей страной и учим ее прыгать. Сильных прыгунов очень мало. Мы открываем таланты. Даниил Раппопортович, почетный прыгун гильдии «Мастер Класс Полёт», автор прыжков на 29.2 сантиметра, 28.8, объявил, что в ближайшем будущем в новой телевизионной программе «Космос нашими силами» будет рассказываться о молодых дарованиях, сильных прыгунах, которые являются практически цветом российских прыжков в высоту.

Следующее интервью Саша Кореевич давал для центральных телеканалов с фестиваля прыгунов «Долетим-2011!», который был еще более серьезен, чем «Долетим-2010». Главным критерием фестиваля и оценки качества прыгунов стал сам приезд на этот фестиваль. В ходе его никто не прыгал. Все смотрели записи великих прыжков, лучших попыток, а также делились методами тренировок.

Егор Морской, прыгун, молодое дарование, лауреат премии «Серебряная планка»:

- Сначала я прыгал очень плохо. Мне предложили поехать поучиться. Был мастер класс Александра Баранчикова и Григория Сидоревича о том, как начать прыгать на 22 сантиметра, после чего планомерно достигая высоты в 24 сантиметра. Сейчас я начал прыгать на 23.8 сантиметра. Мне предложили участвовать в проекте. Это – совместные прыжки. Одновременно прыгают до шести человек. Так как прыгать в таком количестве сложнее, то планку ставят на высоте 19 сантиметров. Это – массовые прыжки. Мэтры тоже делают массовые прыжки. Вы видели одновременный прыжок Саши Кореевича, Аркадия Мамонтовича, Даниила Раппопортовича, Дмитрия Каца, Ивана Макаричавичуса, Мойши Лаврова? Какой прыжок! Вы только представьте, 28 сантиметров! Мастера есть мастера. Тут ничего не попишешь!

Саша Кореевич:

- Знаете, што. Очень занятное это время. Когда говорят, что в советское время был Сергей Бубка, ну што же, путь говорят. Разве мы не пережали прошлое? Ну, то было другое время, што говорить. Сейчас – другое. Давно произошла смена поколений. На новом конвенте прыгунов в высоту будет дан старт новому процессу. Вы видите, как вокруг отрадно.

Сергей Бубка (сидя в кустах):

- Ёпты, я вроде не умер. Вышел с шестом. Говорю – ребят, вот метр. Что же? Разве можно прыгать на метр? Прыгните два. А они делают вид, что меня не существует. Я же Бубка!

Пользователь ЖЖ (вопрос к Бубке):

- О чем речь?

Сергей Бубка:

- Ну прыгать надо хотя бы на 5.70 с шестом, и там – 2.20 без шеста.

Пользователь ЖЖ:

- А?

Еще один пользователь ЖЖ:

- О чем речь. Я учился у Саши Кореевича!

Третий пользователь ЖЖ:

- Я был на мастер-классе Даниила Раппопортовича!

Сергей Бубка:

- Ребят, вы чо, попутали?

Пользователь ЖЖ:

- Ты посмотри, сука, а. Кто ты? Что ты тут делаешь? Ты ненавидишь прыгунов? Сам-то кто? Да видели мы таких самозванцев. Как на прыг-конвент их не пустят, так начинают кричать, мол, мы прыгать не умеем. Зажимают, видите ли, таланты.

Второй пользователь ЖЖ:

- Да завидует он. Видать, на публичные прыжки не пускают. Начинает дергаться, мудило.

Третий:

- Да, это сука какая-та, мудака, не прыгун.

Сергей Бубка:

- Пиздец!

Саша Кореевич в интервью журналу «Прыжкотрон»

Вопрос:

- Скажите, уважаемый мэтр, какие ваши творческие планы?

Ответ:

- Ну как какие? Регулярно прыгать.

Вопрос:

- Хотите ли вы побить рекорд Аркадия Мамонтовича?

Ответ:

- Ну вы понимаете, што есть высоты непоколебимые. Приятно ощущать себя мэтром прыжков. Приятно учить молодых, открывать новые таланты. Может быть... Если правильно мерить высоту, может быть, может быть... Што ж...

Элтон Иван

ВЕК ВАК или Жить и работать

*Я не равнодушен к Богу,
я равнодушен к
себе-на-земле
Я не могу представить себе чего-то
Более нелепого, чем я
На земле –
Правда!*

(с) Джек Керуак. «Коньячный блюз».

Митасов. Где? На земле.

Харьков. Унылое говно. Так вы думаете. И это можно понять. Найти что-то интересное в нашем пейзаже совковых зданий или немногих подлатанных довоенных построек практически невозможно. Остаётся только смотреть на рекламные плакаты и надоевшее однообразное граффити. Граффити обычно представляют собой нечитабельную хуйню как бы дающую нам понять что мы – Нигерия. Почему? Да потому что, 90 % этой разноцветной дряни написано на английском. Но оглядитесь вокруг – вы где-то видите Биг Бэн? Дальше об этом не будем – унылость «оккупационной» мазни очевидна.

Встречаются, правда, и приятные исключения. Почти всё творчество Гамлета Зиньковского - «Бездонная собака это как собака без дна», надписи Акли «Я канифоль, а ты паяльник и олово», «Изображения дрожание» и прочая экзистенциальная заумь. Да, всё это вторично – но даже это радует глаз хотя бы тем, что присутствует мысль. Мысль, выраженная на родном языке. Это само по себе ценно, это заставляет нас обращаться к корням нашего собственного мышления, корням граффити.

Вы не ошиблись. У граффити – того самого наносного, «оккупационного» граффити есть и незамутнённые корни. Самое древнее граффити, что я видел – в 40 метровом осадном колодце под Чуфут-Кале, написанное сажей на иврите. Только не спрашивайте меня, откуда в Крыму в четвёртом веке взялись евреи. Граффити на потолке – имя. Такова природа граффити – обычно это имя или маркер, обозначающий кого-то. Впрочем, не менее популярны изображения члена, груди или совокупления – их, кажется, находили даже на стенах Колизея. Но говоря о граффити в нашем городе, о его «глубоких» корнях времён Брежнева и динозавров я не стану рассказывать, ни про имена, ни про фаллосы. Я буду говорить лишь об одной фамилии. Митасов.

ВЕК * ВАК *

Кем был этот самый Митасов? Городским сумасшедшим, предтечей нынешних стрейндж-райдеров от граффити, обычным психом или просветлённым юридивым? Говорят о нём разное. Легендарный философ. Историческая личность. В определённых кругах - символ, учитель. Или, другое - никакого ореола таинственности вокруг этого человека тогда не было, напротив, был он немного не в себе, портил заборы и стены - и всё, больше ничего особенного.

Достоверная информация о нём скудна. Родился Митасов в середине XX в. Имел высшее образование, экономист, работал директором магазина. Граффити Митасов увлёкся, когда начал сходить с ума. О самом начале сумасшествия Митасова есть несколько городских легенд. Наиболее распространённая из них приписывает Митасову преподавательскую должность в художественном училище. Во время написания очередной диссертации его, мол, постигло просветление. На следующий день он пришёл на рабочее место и попросил ведро краски. Ну, посмотрели на него и ведро ему дали. И краски. Белой. К

следующему утру все стены вплоть до недоступного 4 этажа были расписаны странными текстами.

*Люди * Ленин* Митасов*

Ещё по одной версии он сошёл с ума уже в процессе трудной защиты диссертации.

Точно можно сказать одно – в какой-то момент Митасов принялся расписывать все доступные поверхности, начав с собственной семикомнатной коммуналки, где после отселения остальных жильцов он жил с матерью. Его надписи могут свидетельствовать о глубоком внутреннем и социальном конфликте. Надпись «*Я не знаю слова мать на земле*» по-видимому, выражала его отношения с матерью. Жена, бросившая его из-за болезни, запечатлена в граффити «*Я и женщина Зло*», «*У меня отвращение к женскому полу*». Искажённое сюрреалистическое восприятие социальной несправедливости - в надписях: **Союз Нерушимый Республик Свободных на Земле Нет, ЛЕНИН ЗДЕЛАЛ ВСЕМ УКОЛ В ГОЛОВУ ГДЕ НА ЗЕМЛЕ.**

Некоторые надписи наводят на мысль о частичном восприятии своей болезни - «*Сразу . Же . Сужение . Ума .*», внутреннего диссонанса - *Я и Я Зло*. Впрочем, первая из надписей у многих ассоциируется с электронным интернет-адресом (написание через точку, характерное для Митасова), а у самых изощрённых эстетов – с поэзией Керуака, мотивы многих стихов которого, например - «Коньячного блюза», стилистически переключаются с частью митасовских текстов.

Теперь большая часть оставшихся надписей находится в районе переуллка Краснознамённого. В духе названия переуллка выдержаны и некоторые из надписей –

- *И УЧИТЬСЯ*
- *И РАБОТАТЬ*
- *ОКТАБРЯТА*
- *ПИОНЕРЫ*
- *КОМСОМОЛЬЦЫ*
- *КОММУНИСТЫ*
- *ГДЕ*
- *НА*
- *ЗЕМЛЕ*

Алармистским лозунгом читается и «Ни шагу назад на земле», однако в пику этим бодрым надписям, звучит его рефрен «*ВАК*Работать*Нет*», начертанный на ступенях в подъезде. Коммунистическая риторика – явный атрибут митасовской деятельности – тесно переплетена с образом Ленина как творца системы удушливой несвободы. С политичностью ряда надписей в центре связана забавная история – в начале 1990х Митасова часто воспринимали как кандидата то ли в депутаты, то ли в президенты, таким способом рекламирующего себя.

Также, выдержаны в своеобразной манере стилистически его одиозные «приказы»

- ПРИКАЗ N 1
- ИМЯ*ВЕК
- ОТЧЕСТВО*ВАК
- ИЗУЧАТЬ РУССКИЙ ЯЗЫК
- НА ЗЕМЛЕ НЕ ПРИСВАИВАТЬ
- ТОЛЬКО Я И Я
- ЗЛО
- ПРИКАЗ N 2
- ЗА НАРУШЕНИЕ ПРИКАЗА N 1 - ШТРАФНЫЕ БАТАЛЬОНЫ

Ещё одним лейтмотивом в его «творчестве» выступает «геоцентризм», мысль о земле и жизни на ней. Граффити «Ти вит никогда землём не был и никогда быть не может» в свете современных реалий выглядит прямо-таки экологическим набатом, отрицая и перечёркивая как идеи Ноосферы Вернадского, так и единение человека с разлитым в природе Богом. Земле в мире слов Митасова отведена роль статиста, поля деятельности которое диссонирует с существами и событиями на своей поверхности.

Безусловно, многие из его надписей кажутся нам лишь проблесками в постепенно гаснущем сознании, перемежались маловразумительными словосплетениями, противореча друг другу, наслаиваясь и причудливо преломляясь в сознании, однако порой в них просматривается и нечто большее, чем простое помешательство.

Как известно, юродивые не живут особенно долго. Митасов умер в 1999 году, в психиатрической лечебнице от туберкулёза. Он оставил после себя лишь постепенно исчезающие, тускнеющие слова. Быть может – порождения больного рассудка, быть может – прозрения безумного провидца, но совершенно точно – неповторимые и ни на что не похожие. Даже сейчас его надписи остаются частью души нашего города, придавая ему что-то особое, словно настроенное так, чтобы затрагивать какую-то глубину внутри нас.

Во мне эту глубину затронула одна, неожиданно осмысленная фраза, создавшая целый образ из хаоса слов, живших внутри Митасова. Вот она:

Митасов* Вак*
Не терять веры
Всему, Всему живому ...

Вячеслав Чешев

КАК ДЕЛА, МАЛЫШ?

Она вырывалась. Не кричала - вырывалась. Брошюры разметались по полу, пока я тащил ее к лестнице. Она вырывалась. Дышала тяжело, прерывисто, но - не кричала. Я бросил ее на ступени, - после того, как распахнул дверь и мы очутились в сумеречной нише лестничной клетки, - а потом дверь захлопнулась, втиснув нас в тишину. В жирный сумрак и тишину. Тяжело дыша, она одернула юбку, сдвинула кофту на груди, - коротким судорожным движением.

- Больше здесь не появляйся, - сказал я. Губы совсем обсохли; голос был не мой, звучал по-чужому.

Она замотала головой. Сокрушенно, точно борясь с проклятием, которое уже подступило к ее губам.

- Что вы наделали... Вы же сами не понимаете, что вы наделали... - сумрак, казалось, шарахнулся от этих ее слов. Рывки дыхания сушили тишину. Она говорила с сумраком, с тишиной, - но только не с тем, кто приволок ее сюда.

Я сказал:

- Сделай так, чтобы люди, которые здесь живут, больше не вспоминали о тебе.

- Как же вы можете? Вы хоть понимаете, что вы делаете? Ответьте мне, прошу вас. Понимаете?

Все это время шум, - возня и стоны, - доносящийся из коридора и заглушенный дверью, не затихал, а теперь вдруг - провалился куда-то. Я прислушался. Приоткрыл дверь и, сощурился успевшие привыкнуть к темноте глаза, выглянул в узко протянувшуюся полосу света. Вслушался.

Шарканье шагов, глухое переругивание, тихое, разбитое звучание голоса, то постанывающего, то дрожащего полуселотом, - жалким, молящим полуселотом. Тупые и редкие тычки, сопровождаемые сдавленным скулением. Эти удары, в отличие от тех, что были еще какую-то минуту назад, - скорее так, для острастки, и сила их не в физической боли, но в унижении, которое испытывает жертва, пришедшая в себя после ударов сокрушающих и отключающих на время способность их чувствовать, - могущая теперь с леденящей ясностью осознать: да, меня бьют, да, меня изничтожают.

- Худой! - бросил я в гулкую кишку коридора. Я не мог видеть ни Худого, ни Женю, ни того, который лежал на полу, скрючившись эмбрионом, обхватив руками измочаленную в синь голову. Их скрывал изгиб стены.

- Что?

- Что там у вас? Тихо чего?

- А чё нам, орать или чё?

- Что с ним?

- Ничего. Живой...

- Да? Ты живой, падла? - заскрипел другой голос, Женкин. Что-то заворочалось на полу, запричитало. - Живой! Пиздит что-то... Ты что пиздишь, а? - причитания перешли в стоны, тихие и бессильные.

- Как там эта сука? - голос Худого.

- Сидит вот... - сказал я.

- Ты ее там не трахнул, случайно? - голоса задержались нервным смехом.

- Ладно, - фыркнул я.

Закрыв дверь.

Свет втянулся в раздавленную щель.

Темнота.

Нас прихлопнула темнота.

Женька сидит на подоконнике. Свесил ногу; другая, вздернувшись коленом, поставлена на батарею. Курит. Выпрыскивает слюну сквозь стиснутые зубы, - и та шлепается о стену, ползет по ней. Шишковатая голова острижена «под нолик», ворот спортивной куртки поднят, - серый силуэт на фоне серого окна. За стеклом - за тусклым, замызганным стеклом расплылись сумерки. Солнце кровавит - чей-то испорченный глаз.

Худой облокотился о стену. Склонил голову. Втиснул в карманы руки. Большие глаза, крючковатый нос, вздувшийся под подбородком кадык. Он тоже в спортивной куртке. Но его тело - не тело Женки, что низкоросло и жилисто, - оно, его тело, похоже на канат, который подвесили к потолку спортзала. На туго скрученный канат.

Я перед ними. Курю. Нервничаю. Да. Я не могу успокоить себя. Не могу, хоть и стараюсь изо всех сил.

Худой смотрит на часы.

- Половина девятого. Ну, где они?

- Вот-вот должны быть, - говорю я.

- Мы час уже здесь торчим...

- Чувак, они передо мной не отчитывались, когда появятся.

- Еб твою мать, Игорь, я не говорю, отчитываются или нет. Меня это вообще не ебет! Я говорю о том, что их нет. И что их может и вообще сегодня не быть с такими раскладами.

Он всё так же стоит у стены. Его руки всё так же втиснуты в карманы брюк. Каждая фраза - короткое движение головы. Он не нервничает, или - делает вид, что не нервничает. А времени у него хоть отбавляй. Просто огрызнуться любит, достать.

- Худой, я тебя не держу! Хочешь - вали. Только не надо мне рассказывать, что ты свое время теряешь... Я тебя силой никуда не тянул. Не придут - так не придут. Блядь! Вали сейчас - и не еби мне мозги!

Я нервничаю. И раздражаюсь еще больше.

- Ладно... Раз пришли - дождемся уже... - урезонирует Женю. Он тушит сигарету о подоконник, запускает бычок в угол.

- Всё! Жду десять минут и - ну его на хуй. Не хочу я здесь до ночи торчать...

Уже без пятнадцати.

Вошли в подъезд.

Они вошли в подъезд без пятнадцати.

В подъезд.

Вошли без пятнадцати.

Без пятнадцати в подъезд.

Вошли.

В один из тех, чьи этажи многократно изгибаются длинной кишкой коридоров, а лестница - в конце одного из них, забранная шаткой дверью. Тут, на первом - просторная площадка перед лифтом. Дальняя стена в щербатых - вывернутые дверцы, пустые зевы, - каскадах почтовых ящиков. До половины зеленые, до половины белые, облупившиеся, похабно размалеванные стены. В воздухе плесень и табак. Глухо взвизгивает лифт, - ползет, - останавливается, шарахнувшись, - разверзается с лязгом. Ввинченная в потолок лампочка сеет скудное сияние, споря с окном, заключенным в грязном, сваченном паутиной стекле, - Кровоточивым Оком Небес.

Они подошли к почтовым ящикам, и он стал просовывать в скважины какие-то листовки, а она, прижимая к груди стопку брошюр, рассказывала ему что-то. Он кивал. Продолжал просовывать листовки. Ему было лет двадцать, ей - не меньше тридцати пяти. На ней была черная, метущая пол юбка и серая кофта, зябко сидящая на вислых плечах. От нее веяло сыростью. А паренек, - он был бледен, и нетороплив, и лицо у него было вытянутым, и напоминало кабачок, который только что подняли с грядки, а глаза и обветренные губы были глазами и губами скопца, того, кто отказался от лаконизма, так к нему и не притронувшись.

Она говорила:

- ... И, представляешь, после того, как начал к нам ходить, все у него пошло на лад. Звонит мне каждый вечер, благодарит. А я ему: не меня благодарит, а - Его! - она вздернула указательный палец. - Его, а не меня благодарить надо.

- Слава Господу! - кивал паренек.

Они приближаются к нам, по мере того, как он раскладывает листовки. Женька соскользнул с подоконника. Стоим у окна. Смотрим на них. Она продолжает говорить - о том, у которого все на лад пошло. Паренек косится на нас. И она тоже посмотрела пару раз, спокойно, будто нас и нет. А он - косится. Но руки все так же мерно и ухватисто делают свое дело.

Я сказал:

- Это что такое?

- Что?

- Что в ящики кладешь?

Он остановился. Смотрит на меня.

- Приглашения...

Она:

- Это приглашения в церковь. Почитайте... - берет у паренька несколько листовок и протягивает нам.

- Себе оставь.

Худой и Женька - я чувствую, - они уже готовы. Особенно Женька. Ему и десяти секунд достаточно.

- Какого хера ты это сюда тулишь? - обращаюсь к пареньку. Его лицо еще больше вытягивается, еще больше бледнеет, еще немного - и лопнет, как жевательная резинка. Такое у него лицо.

- Ребята... - женщина осторожно подвигается к нам. - Да что вы... Мы разве кому-то плохого хотим? Вот, у нас книги есть. Я вам сейчас покажу. Или - давайте лучше поговорим...

- Это тебя черномазый научил? Это он тебе сказал, чтоб ты людям голову дерммом всяким забивала? - цедит Женька.

- Это вы об этом... о Сандее? Нет, мы...

- Да мне похуй как его зовут! Черномазый, который в «Манеже» с трибуны орет.

- Нет... Нет... - горячо возражает она. - То - другое. То Посольство Божье, а мы Свидетели Иеговы... Мы можем вам рассказать...

- Во сектантов развелось, - кисло усмехается Худой.

- Давай сюда! - паренек протягивает мне листовки, и я хватаю их и швыряю в сторону. Листовки с шелестом разлетаются.

- Что вы делаете?! Зачем вы это делаете?! - вскрикивает она.

- Держи, сука! - Женька бьет паренька по лицу.

Женщина кидается к ним, но я хватаю ее и крепко держу за руки. Брошюры падают на пол. «Пус-ти-те...Пус-ти-те...». Вертится, выворачивает локти. Встряхиваю ее точно куклу. Раскатистый металлический лязг - схватив паренька за ворот, Женька бросает тщедушное тело на почтовые ящики, - еще и еще. Потом отпускает. Бьет. И когда тот валится на пол, они с Худым принимают охаживать его пинками. Паренек закрывает голову и скулит. Худой хочет попасть по лицу: схватившись за волосы, приподнимает голову и наотмашь бьет кулаком.

Голова дергается, хрипит. Пол усеивают пятна крови, новые с каждым ударом.

Ташу ее мимо обтянутых дерматином дверей. Толкаю в темноту лестничной клетки.

Безропотная сука. Ну? Что ты теперь скажешь?

60 долларов - совсем немного. Учитывая то, что она отменная любовница. Учитывая то, что я не хочу другую. Совсем немного. Немного усталая, немного дряблая (в январе ей исполнится 32), но - ловкая и верткая, штопором в тебя, в твой мозг ввинчивающаяся, - не оставляющая тебе шансов. Конечно, прошло время, конечно, она уже не та... Четыре года не так-то мало, особенно для женщины ее возраста, - для женщины, которая занимается тем, чем занимается она.

Я прихожу к ней раз в неделю. Плачу ей деньги, хоть знаю - могу и не платить. Было время, когда я не платил ей. И сейчас могу не платить. Но, раз есть деньги - мне не жалко их для нее. Ведь я люблю ее. Похоже на то.

В прошлый раз она кричала на меня. И лицо ее налилось краской. Она указывала мне на дверь, и ее руки, ее тонкие, вертялые, точно разорванные дождевые черви, пальчики, дрожали и сжимались в кулачки. Да. Последнее время она все чаще срывается. Все чаще кричит, становясь похожей на старуху.

У нее есть товарка. Они живут вместе. Товарку зовут Лена. Она не любит меня, а я не люблю ее, - ну не люблю я эту потасканную деревенщину! Грудь у нее висит, лицо ее одутловато, а Света она говорит: брось его, посмотри на него, он неудачник, он отморозок, он конченый человек... Бля... Они живут в однокомнатной квартире. У них уютно, - как и у всех у них. Просторная кровать, занимающая чуть не половину комнаты, стиснута двумя тумбочками, на которых, торжественно вытянувшись, выставлены разномастные бутылочки и флакончики. В другом конце комнаты - телевизор. Работает почти круглые сутки, и даже когда они спят, - с пяти до двух, - и то иногда работает. Нарочно не выключают.

Лежа в кровати, закрыв глаза, спрашиваю у нее:

- Ну что? Ты подумала?

- О чем?

Как всегда: успела сбежать в душ, накинуть халат, растянуться рядом, скрестив ноги, и закурить, стряхивая пепел в пристроившуюся на животе пепельницу. Пока я прихожу в себя после стремительного соития, пока считаю, сомкнув отяжелевшие веки, коршунов, что кружат в накрывшей меня бездне, она успевает сделать и то, и другое, и третье.

Лежит рядом. Вокруг глаз - усталые тени.

- Помнишь, о чем я говорил в прошлый раз?

- Прошу тебя, не начинай...

- А я и не начинаю. Я продолжаю. Ты подумала?

Она приподнялась, села на краю кровати, спиной ко мне.

- Я все сказала. Чего ты еще хочешь?

- Меня не устроил твой ответ. Я хочу помочь тебе, а ты выкобениваешься...

- Мне помощь не нужна.

- Да перестань ты! Тебе же нужны деньги. И у меня есть эти самые деньги. И дам я их - тебе. Мне-то они ни к чему, ты же знаешь. Кому, как не тебе, мне их отдать? Но взамен я хочу, чтобы ты сделала кое-что и для меня...

Она стоит передо мной. Глаза - кляксы, что расплываются, распливаются по бумаге.

- Зачем тебе это?

- Я уже говорил.

- Смотреть зачем?

- А почему - нет? Он не против, а ты... Тебе-то чего быть против? Все будет хорошо! - взбадриваю ее. - Денюшка твоя уже ждет тебя.

- Острых ощущений захотелось?

- Опять ты за свое! Да не в ощущениях дело, а в том, чтобы приятное человеку сделать.

- Ему - приятное, а мне?

- Деньги! Деньги, милая! Разве они - не приятное? Работы - на час, а 300 баксов на дороге не валяются.

Она молчит. Потом - глухим, потухшим голосом:

- Игорь, я устала от всего этого. Я не могу больше так. То, что между нами происходит, это не нормально. Это никогда не было нормально, но сейчас... Я не хочу больше тебя видеть. У меня нет ни сил, ни желания продолжать все это.

Я сел на краю постели. Смотрю на нее снизу вверх.

- Давай так: сделаешь, как я прошу, а потом - разойдемся. Захочешь - наберешь меня. Нет - навязываться не буду. Поверь, я сам чувствую весь этот напряг.

Каким-то неживым движением она берет с тумбочки мобильный, смотрит на часы.

- Тебе собираться нужно. Ко мне клиент должен придти.

- Хорошо. - Встаю, надеваю рубашку, брюки. - Только ты подумай над тем, что я сказал, ладно? Сделай это. Не ради денег - ради меня.

Куртка висит в шкафу в коридоре. Обувшись, снимаю ее с вешалки. На одной из полок, выглядывая из-за бордовой сумочки, расплзлась стопка

из нескольких брошюр. Хм... Отодвинув сумочку, снимаю верхнюю: «Путь к Жизни». Вот так да! На обложке - пышно цветущий сад, в центре которого, в окружении растянувшегося на траве льва и беззаботно режущегося рядом ягненка, расположилось идиллическое семейство: степенно-мужественный отец обнимает жену и дочь, прильнувших к нему с блаженными улыбками.

Света взяла у меня брошюру и подожгла обратно на полку.

- Что это, Света? Ты в религию ударилась? - я не могу подавить улыбку.

- Это не мое, - глухо говорит она.

- Не твое? А чье? Ленки? Новоиспеченной монашки нашей?.. Ленка! - кричу я. - Ленка!

Из кухни доносится хриплый и какой-то неуклюжий голос Светиной товарки:

- Что?

- Книжки твои?

- Чёооо?

- Книжки о вечной жизни - твои?

- Какие книжки?... Нет... Не знаю... - Лена, как всегда, не может понять, чего от нее хотят - бормочет что-то нечленораздельное.

- Это нам дали, - Света смотрит на меня округлившимся, напряженным взглядом - Никто их не читает. Просто лежат здесь.

- Так вот почему ты все время не в духе. Книжек интересных начиталась. Читанула книжку, значит, и захандрила. Так что ли? И кто это тебя накручивает? Кто этой макулатурой вас снабжает?

- Я это не читаю. Дают - я беру, - глухо и холодно говорит она.

- Кто?

- Какая разница - кто!

- Есть разница. Мне тоже интересно. Я тоже хочу просветиться.

- Приходят к нам... - она запнулась. Глаза шныряют туда-сюда. Конечно, она читает. Знаю, что читает. Но признаться - стыдно ей, видите ли. Еще бы! Шлюха, блядь пробитая, а - книжки о Боге читает. Молча, с ухмылкой смотрю на нее. Сдается: - ...женщина и парень. В последний раз в пятницу были. Они во все квартиры звонят, и кто открывает - с теми разговаривают... Взяла у них эти книги, чтоб отвязались.

- Может у тебя и Библия есть? - смеюсь я.

- Нет. Только эти. Да я и эти не читаю. Мы и забыли о них. Вон у Лены можешь спросить.

- Точно? Не врешь мне?

- Нет. Не вру.

- Слушай, а когда в следующий раз придут, для меня книжек попросишь?

Молчит. Ни один нерв в лице не дрогнет. Справилась с собой. Мне хочется ударить ее, - и чтоб до крови, и чтоб услышать, как голова о паркет стукнется.

Он ходил между машинами. Я видел его почти каждый день - когда маршрутка переезжала через мост и останавливалась на перекрестке. У него не было рук. Вместо них - бурные культы с безобразными шрамами на концах. Он сжимал в них целлофановый пакет, и подносил пакет к окнам, и в пакет сыпались деньги. Он брел от одной машины к другой, и когда загорался зеленый - отправлялся на клумбу, где его ждали разложенная на траве ветошь и узелок с едой; а потом, когда вспыхивал красный, - возвращался на дорогу. На нем была старая рубаша и черные, стянутые на поясе веревкой и волочащиеся по асфальту брюки.

А потом - я увидел его возле «Дома мебели». Он сидел на тротуаре, и перед ним стояла бутылка водки. Он сжимал бутылку в кулачках, подносил к губам, запрокидывал голову, и - кадык жадно дергался под щетинистой кожей, пуская в горло жгучую влагу. Люди обходили его, заранее забирая в сторону, и он упирался в их фигуры остекленелым взглядом, и мелко шевелил сохлыми губами, точно возглаго что-то самому себе.

Я подошел к нему, и опустил перед ним на корточки.

- Это ты возле моста милостыню собираешь? - спросил я.

- Да...

- Как тебя зовут?

- Виктор.

- Меня - Игорь. Слушай, можем во двор пойти, у меня к тебе разговор есть...

- Зачем? - он смотрел на меня мутными глазами. Его голос звучал тускло, точно далекие шорохи в раковине.

- Я же говорю - поговорить надо. Не бойся, я не пидор, не извращенец какой-то... Просто поговорить хочу. А здесь - хер нормально поговоришь. Я тебе водки куплю. И жратвы.

- А что за разговор-то?

Трудно было понять, боится ли он или просто туго соображает. Его лицо, серое, безучастное, какое-то оплывшее, так и не изменилось за время нашего общения. Губы были приоткрыты, выставляя два ряда полусгнивших зубов. Я чувствовал его запах - сладковатый, острый и отталкивающий запах нечистого тела.

Придвинувшись к нему, я сказал почти шепотом:

- Ты бабу давно ебал?

Олег Костюк

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ПРО ДАЙВЕРОВ

Я и Кеша, мы увлекаемся дайвингом. Но очень и очень специфическим. Не таким, о котором вы читали в Википедии, или которым вам тарят мозг из телевизора.

Мы занимаемся самым экстремальным дайвингом.

Мы прыгаем в унитазаы.

Мы пробираемся в самые богатые фирмы, в которых установлена самая дорогая сантехника, прокрадываемся в туалеты, надеваем снаряжение и прыгаем в унитазаы.

Вы спросите – зачем? Просто потому что – мы крутые парни. Все дайверы прыгают в очень банальные места, а мы специфичны и оригинальны.

И вот однажды мы пробрались в фирму Вимбильдан, не издавая лишних шорохов прокрались в туалет самого главного начальника, одели акваланги и прыгнули в унитазаы. В трубах было очень сильное течение, но мы не так уж просты, чтобы с ним не справиться.

- Кеша! Как ты!? – кричал я по специальному переговорному устройству.

- Я нормально! – отвечал Кеша.

И вдруг на нашем пути возникла красная рыба голова. Она угрожающе щелкала зубами.

- Держись, друг! – крикнул я Кеше и достал бластер.

- Да-да! Я – держусь! – отвечал мне Кеша.

Я нажал на курок, и рыба голова разлетелась в клочья. И тут я услышал ужасающий Кешин крик.

- Ой! – кричал Кеша. – Ой-ой-ой! Блять!

Я обернулся и увидел ужасающую картину. Одна из костей рыбь-

ей головы вонзилась моему другу в икру.

Что же делать?

И я не растерялся. Я схватил Кешу за левую ногу и поплыл наверх к выходу из унитазаы.

Мы выскочили наружу, но на этом неприятности не закончились. Около зеркала стоял начальник Вимбильдана и застегивал ширинку. Мы хотели как-то незаметно улизнуть от его строгого взгляда.

Ни хуя.

Не получилось.

- Взять их! – грозно закричал начальник Вимбильдана и на пороге туалета возникли охранники.

Мы бы убежали, но Кеша, мой друг и партнер, был ранен.

Мы прислонились к бачку, а охранники наступали.

Безвыходных ситуаций не бывает, главное правильно среагировать, и я среагировал:

- У вас лампочка в туалете мигает.

- Что? – спросили охранники.

- Какая такая в жопу лампочка? – спросил самый главный начальник Вимбильдана.

А никакой лампочки и не было.

Пока они смотрели по сторонам, я, держа Кешу за ногу, выскочил из туалета и, брякая его черепом по ступеням лестниц, убежал.

Вот такие фантастические истории происходят с нами, настоящими дайверами.

Имбо Даун

ВИХРЬ

Сквозняки между плесенью чистых листов непередаваемо произносимые слова кричат в читательскую глухоту – на ощупь – будто слепоглухонемые дети – пойми меня.

Я беру гелевую ручку и тщательно записываю их так, как дон Хуан курил Карлоса – проза в поэзии столь абсурдна, сколь могут быть иррациональны мои графоманские потуги рассказать о земном взнезном.

Комната, обтянувшая и вместившая меня наподобие скафандра (впрочем, мои сведения об этом еще более туманны примелькавшейся Андромеды – учебник астрономии за 10-й класс оказал свое скромное влияние на мою разлагающуюся личность), терпеливо сносит вибрацию включенного электричества, перегоняемого аортами проводки, намертво впаянной в блочную хрипоту стен.

Люстра потрескивает, как поленя в каминах в богатых домах. Выцветшие обои соплят – поговори мне. Прокуренный шкаф скрипит всеми фибрами своей деревянной души. Саблезубые вешалки тоскливо поглядывают на кипу неуместной в этом сезоне одежды. Остовы советских стульев равнодушно читают возложенные на них книги. Каждая – маленький гроб. Я давно уже человек-живущий-в двадцатиметровом – склепе. Или морге? Где кухня вместо прозекторской, а ванная – вспомогательных помещений, в которых иллюзорные бородачи в пенсне гоняют чай и рассказывают друг другу басни о давно усопших. Комната же... Комната – зал, усеянный холодильными камерами – выбери свою и покойся вечным сном, пока тебя не упакуют в твой личный последний дом и не отправят в темную, кишашую червями, пустоту.

Руки мои привычно выводят буквы. Буквы слагают слова. Мысли текут гноем из незаживающей раны, зудящей на моем уставшем, загрязненном всечеловеческими испражнениями, сердце. Я изнемогаю. Мне нужны люди. Если их не будет – я выдумую, честно, я найду способ, чтобы они пришли и сказали – мы рядом. Одиночество представляется мне бесхозным, испещренным деформациями телом, оставленным для науки теми, кто не смог признать в нем свою плоть и кровь. Страшны эти слова – "плоть и кровь". Я редко встречаю их в художественных книгах со смыслом. Все чаще их используют либо без какого-либо смысла, либо в религиозной литературе как сакральные символы нашего бытия... Ах, о чем это я? Паста закончится и магия постапокалиптической ночи растворится в чашке вместе с заварочным пакетиком. Такое уже было, было... Необходимо спешить...

Мне видится лето 2005 года. Путешественник, когда ты придешь в Обитель – отбрось все сомнения, привязанности и страхи, потому что там их больше нет. И зло – это лишь добро в нулевой степени. Не более. Бояться ли слону кузнечика, прыгающего в травах под его ногой? Я была безнадежно юна.

Глупость смешивалась с запахом парного молока и выступала на коже капельками сладкого пота. Зеркала равнодушно отворачивались. Полметра голубой ткани служили мне летним платьем. Широим летним платьем, подол которого все норовил поднять ветер. Волосы змеями сползали до талии. Вот она – мечта пресыщенного идиота и зависть уставшей дамы. Юность моя безжалостно исчезла в прудах, оставив после себя саван – захочешь – примеришь – напоследок – прежде чем они скажут – больше нет ни средств, ни надежд – и толстяк в белой маске назначит дату похорон. Видите ли... Человек не может ограничиться одноразовой смертью. Он умирает каждый год. Себя десятилетнего ты похоронил в одиннадцать, а двадцатидвухлетний прощается с восемнадцатилетней, как отец с дочерью, уехавшей на небеса в тридцать два. Лукавы наши помыслы, тощи сердца. Я зашла в чудное место. Везде пруды, гребля, пруды, много-много зелени, кое-где у кромки воды – кресты – спаси мя и сохрани – рыбаки удят выросшую в канализационных стоках рыбу, ребята курят трубку мира, весело передразнивая лягушек своим шакалоподобным смехом. Вот они – жалкие уродцы в черных спортивных костюмах с белыми лампасами по бокам. Вода превращается в лесополосу. Лесополоса поглощает воду. Так писать может только сумасшедший. Ржавая консервная банка закатывается за пивную пену туч. Лучи изжелта-красного алкоголя слепят глаза. Я безвозмездно одинока. Мне нравится пылить белые босоножки. Я кажусь себе похожей на героиню голливудского триллера

Я кажусь себе похожей на героиню голливудского триллера. Со мной должно произойти нечто странное. Птицы умолкают там, где я иду, впечатляя своей самодовольной некрасотой.

Слышаться чьи-то спешащие шаги. Я не оборачиваюсь – знаю – он идет со своими друзьями. Он превратит меня в необратимость. Я люблю его любовью агнца, добровольно идущего на заклания. Я хочу его так любить, но любви в своем сердце не имею. Я живое воплощение выдуманной кем-то богини, потому что это модно. Я боюсь читать Библию, потому что грехи обмотали меня, как пуповина обматывает новорожденного. Он старше меня и даже чуть-чуть красивый. Он станет моим самым пронзительным криком. Я буду просыпаться в испарине, ища на себе его следы.

Лето 2005-го. Дрожь. Вой. Стон.

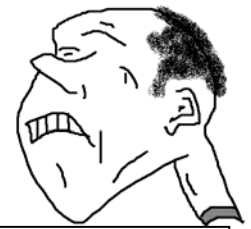
Комната опять превращается в бесконечный поток холодильных камер. Где-то из недр прозекторской раздается обертонный рык звонка. Я открываю глаза и вижу перед собой бестеневой операционный осветитель. Какие-то люди ковыряются в моем животе. В следующий раз я никогда не соглашусь на местный наркоз. Больно же.

Алина Сваровски

ОСЛЫ и ЛЮДИ

Сегодня в номере:

- интервью с ослом;

- интервью с человеком;

- новости из жизни ослов и людей.

социальная газета

Выпуск № 2

ИНТЕРВЬЮ С ОСЛОМ

- Здравствуйте, осел.
 - Здравствуйте.
 - Как Вас зовут?
 - Меня зовут Иммануил Кант. Меня так назвал мой дрессировщик. Он очень увлекается немецкой классической философией. Не спрашивайте меня, что это такое - я не знаю. Ведь я же самый обычный осел.
 - **Расскажите, пожалуйста, о себе.**
 - Если посмотреть на меня со стороны, я ничем не отличаюсь от других ослов. Просто, знаете ли, мне повеселилось работать в цирке.
 - **И в чем же заключаются Ваши обязанности?**
 - Вы знаете, меня сначала дрессируют, а потом я выступаю перед толпой людей. Сначала было немного неловко, но потом я привык.
 - **Позвольте спросить, какие же цирковые номера есть в Вашем, осел, репертуаре?**
 - По-разному. Зачастую я вожу на себе акробатов. А недавно вот научился набивать мяч. Меня после этого даже вкусно покормили.
 - **Набивать мяч? Интересно. И чем Вы его набиваете - задними ногами?**
 - Нет, мордой. Ногами, и тем более хвостом, мне набивать мяч тяжело. Хотя дрессировщик постоянно настаивает, чтобы я изучал новые трюки.
 - **Иммануил, дрессировщик с Вами строг?**
 - Извините, Вы ко мне обращаетесь?
 - **Ах, простите. Видимо, Иммануил Кант - Ваше полное имя? Но, может, Вы позволите для удобства называть Вас просто Иммануил?**
 - Пожалуй, не стоит. Вы не подумайте, что я надменен. Просто, как известно, интеллект ослов существенно ниже интеллекта людей, вследствие чего я могу запутаться.
 - **Хорошо. Уважаемый Иммануил Кант, строг ли с Вами Ваш дрессировщик?**
 - Я бы сказал, что он строг, но справедлив. Когда у меня что-то не получается, он меня, конечно, бьет. Но это исключительно в педагогических целях. Как правило, вовсе и не сильно. Зато, когда я успешно выполняю его команды, он меня очень даже вкусно кормит.
 - **Вы, видимо много времени посвящаете тренировкам?**
 - Естественно, это ведь мои прямые обязанности. Это не от меня зависит, просто жизнь так сложилась.
 - **Но все же, у Вас бывает свободное время? Как Вы его используете?**

- Ну, как правило, я хожу взад-вперед по клетке либо сплю. Иногда люблю поревевть для, так сказать, эмоциональной разрядки.
 - **Есть ли в цирке другие ослы, кроме Вас?**
 - К сожалению, нет. Я был бы, конечно, рад компании. Но я понимаю, что руководству цирка накладно содержать других ослов. Ведь в коллективе цирка немало артистов-людей, а также животных, и на все это уходят немалые средства. Я не знаю, что люди имеют в виду под средствами. Наверно, еду.
 - **Так что же это получается? У Вас нет никакой личной жизни?**
 - Я, конечно, не отказался бы от ослицы. Тем не менее, не жалуюсь на жизнь. Меня довольно неплохо кормят. Работать с дрессировщиком достаточно интересно. Особенно, когда у меня что-то получается. Мне нравится наблюдать за другими животными, особенно за обезьянами. Да и вообще, я осознаю, что есть немало ослов, живущих в куда худших социальных условиях, чем я.
 - **Да уж, что есть - то есть. Скажите, пожалуйста, Иммануил Кант, знаете ли Вы об Осле из "Шрека"?**
 - Почти ничего. Персонал цирка обсуждал "Шрека" при мне, но мои интеллектуальные способности не позволили мне их понять.
 - **И все же, хотелось ли Вам быть свободным ослом, не связанным обязанностями работы на ферме или в цирке?**
 - Вы знаете...
 - **Нет.**
 - О чем Вы?
 - **А? Да нет, ничего. Продолжайте.**
 - Так вот. В цирке мне работать нравится. Люди в зале веселятся. Я чувствую себя нужным. На ферме я никогда не работал, я не знаю как это. Что касается так называемого вольного существования, то кто же меня там будет кормить? Особенно зимой? Я вполне благоустроен, и мне не хотелось бы жить впроголодь.
 - **Знакомы ли Вы с творчеством Джорджа Оруэлла?**
 - Нет, я не знаю, о ком Вы говорите.
 - **Что ж, Иммануил Кант, спасибо Вам большое за интервью. Всех благ.**
 - И Вам спасибо. Желаю Вам всего хорошего. Надеюсь, что за Ваш труд Вы получите много вкусной еды.

Со слов осла записал Главный Журналист.

ИНТЕРВЬЮ С ЧЕЛОВЕКОМ (ЖЕНЩИНОЙ)

- Здравствуйте.
 - Здравствуйте. Я вижу, вы не очень-то хорошо одеты. Вы что, пришли ко мне побираться?
 - Эээ... Нет. Я вообще-то беру у Вас интервью, если Вы не заметили.
Представьте, пожалуйста.
 - Странно, что вы меня не знаете. Впрочем, в вашем положении это неудивительно. Я Эсмеральда Отсосс, светская львица.
 - **Скажите, пожалуйста, Эсмеральда, чем Вы занимаетесь?**
 - О! Я веду светский образ жизни. Впрочем, вам этого не понять.
 - **Хм... В чем же состоит Ваше жизненное кредо?**
 - Красота и роскошь.
 - **Вы посещаете цирковые представления?**
 - В детстве посещала. Но сейчас я предпочитаю всяческие светские тусовки.
 - **Эсмеральда, что Вы можете сказать о представлениях с участием цирковых ослов?**

- Знаете, из животных мне всегда нравились львы. А вообще я предпочитаю воздушных гимнастов. Они, знаете ли, сексуальны.
 - **Нет, не знаю.**
 - Вы что-то еще хотите у меня спросить? Мое время расписано по минутам.
 - **В таком случае - еще один маленький вопрос. Как Вы относитесь к ослам в целом?**
 - Ну... Они довольно забавны. Но я предпочитаю жеребцов... Во всех смыслах этого слова.
 - **Что ж, не смею Вас больше задерживать. До свидания, Эсмеральда.**
 - Ну что ж, до свидания. Рекомендую вам несколько поработать над своей внешностью. Возможно, из вас что-то и выйдет.
 - **Не очень-то это учтиво с Вашей стороны...**
 - Если вы в следующий раз приедете на лимузине, я буду более учтива. Уж поверьте!

Записал Главный Редактор.

НОВОСТИ ИЗ ЖИЗНИ ОСЛОВ И ЛЮДЕЙ

- Недавно Президент Украины Виктор Янукович рассказал анекдот про Мойшу. Что ж, с нетерпением ожидаем от Виктора Федоровича анекдотов про осла. Надеемся, что он уделит должное внимание аграрному сектору нашей экономики.
 - На днях под Смоленском, как обычно, разбился самолет. Большинство пассажиров, конечно же, пострадало, но, по предварительной информации, ослов среди них не было.

- Зрители с нетерпением ожидают выхода новой серии анимационного фильма из цикла о Шреке. Кинокритики утверждают, что Осел, как всегда, яростно раздаст говна.
 - Известный футболист (человек) Ариэль Ортега, которого молва упорно ассоциирует с ослом, в августе прошлого года удачно дебютировал за команду «Дефензорес де Бельграно». Он даже гол забил, представьте себе!

Редакция: Главный Редактор, Главный Журналист.

ЗДОРОВО БЫТЬ

Здорово быть зазеркальным политиком,
Лузгать протезами ржавые семечки,
Речи толкать бытовым сифилитикам,
Стоя на паперти собственной немощи.

Здорово быть воскрешенным Иудюю,
Ханку хлебать из кровавого ситечка
Посохом веры блаженно орудуя,
В память вытравливать милое личико.

Здорово быть низвергающим приставом,
Дверь закрывающим в храмы сознания.
Духотворителем ищущим, истовым,
Иродом истин, исторгнутых ранее.

Развоплощаться в каленое олово
Беглым солдатиком штатского нунция.
Ночью еще умереть очень здорово...
А поутру – неизбежно проснуться.

*Александр Цвирк***НАТУРАЛИЗМ**

Противники анархии порою
Олдовым панкам возражают так:
Мол, если власть накроется пиздою,
Начнётся охуительный бардак.

Подохнет добродетель от порока –
Начнут все драться, грабить, убивать,
Всех тёлок изнасилуют жестоко,
Все станут до безумия бухать.

И станет государство психбольницей,
И вырастут курганы мёртвых тел.
Со смутой хаотичной воцарится
На всей планете чёрный беспредел...

А прав ли будет тот, кто так рассудит?
Похожи если станем на зверей –
Так это ведь естественное будет,
ЖИВОЕ состояние людей!

Лицо своё правдивое покажет
Без тормоза закона индивид.
И это честно! Пусть хоть если даже
Исчезнет человечество как вид.

Пойдёт фантазмагория, как в сказке!
Взорвётся фейерверком похуизм!
Товарищи, срывайте на хуй маски!
Анархия! Оргазм!!! Натурализм!!!

*Александр Дровосекъ***ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ В ИЛЛИНОЙСЕ**

Золотой парашют с кленового дома прилёт на плечо.
А вокруг всё цветы и витрины, стекло и машины,
птицы и камни, птицы из камня, поцелуй - горячо.
Ветер имперский со столицей в Чикаго щёки надул и свистит.
Но стены и люди, мосты и вервольфы - привыкли давно
и поют
каждый свои заунывные песни о горькой последней любви.
Идут адвокаты, во лжи и сомненьях, на тёмные корты свои.
И мрачен герой на мокром асфальте, и мелочен этот сюжет -
как два человека в двух частях света потеряли последний билет.
Но что человек, когда такой ветер срывает лица с картин,
Волнуется Сирс, срывается с места, и тень скрывается с ним.

Когда на Готтэм опустится ночь - никто ничего не поймёт.
Птицы из камня, цветы и витрины, химеры в последний полёт.
Но я уже вижу озёра сестёр, тебя, и последний вздох.
Это - 6 лет назад
мою любовь
поцеловал в уста бог.

*Ark Вербицкий***СОЛНЕЧНЫЙ ВОИН**

У офицера СС нет забот
Сердце его горит
Убивает людей который год
И лишнего не говорит

Любит он песни веселые петь
В предвесье священной грозы
Несет Вселенной любовь и смерть
Беспечный, как Лао Цзы

*Джим Слэйд***ПОЭЗИЯ**

Ходишь, куришь, пьешь вино
И любишь в окно
На какое то говно.

И испытываешь транс.
Пиешь этот гнусный станс,
Погружаясь в декаданс.

Поднимаешь к небу ноги,
Упираешь в землю рёги,
И, прощая род людской,
Бьешься о косяк башкой.

*Имбо Даун***ЕБЕНА МАТЬ**

-Ебена мать, - кричат, когда штурмуют,
-Ебена мать, - кричит, тот кого бьют,
-Ебена мать, - кричат, когда рожают,
-Ебена мать, - кричат, когда ебут.

"Ебена мать" под русскою короной,
"Ебеной матерью" зовут и Агафона,
Хоть знают все, что Фоньку не ебут,
Но все ж "ебеной матерью" зовут.

"Ебена мать" для русского народа
Что мясо в щах, что масло в каше.
С ней наша жизнь намного веселей
И сказанное краше.

Иван Барков (XVIII век)

Проводила друга до передней,
Постояла в золотой пыли,
А на колоколенке соседней
Суку важную ебли.

Брошена! Придуманное слово -
Разве я хуйня или дерьмо?
А глаза глядят уже сурово
В потемневшее трюмо.

*Ох-Матова***РедКОПлегия**

Александр Цвирк, Джим Слэйд

А также: Запрещённый Барабанчикъ, Шматок, Аркадий Лантух, Макс Кришна Джоп-Золотые-Руки-Андерсон Дурак, Наивный Дурак, Капитан Джек Воробей, Мазстро Кю, Рихард Куц, Мёртвый Человек Солженицын, Тупая Пизда.

Международная газета «КОЛ-Контркультура». Выпуск №6. Подписан к печати 3.05.2012.

E-mail редакции: kol-contrculture@mail.ru. Адрес в Интернете: <http://vk.com/gazetakol>

Издатель: Иннокентий Жопа

(Ъ) Все права похерены